

ГОЛОСЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 31

Понедѣльникъ, 14 (27) августа 1900 г.

№ 31

Генераль-адъютантъ И. Д. Лазаревъ.

I.

Геройскіе подвиги русскихъ войскъ въ Китаѣ теперь гремятъ по всему свѣту. Русский солдатъ повсюду хранитъ свою традицію храбрѣйшаго войска, идущаго съ безотвѣтной отвагой впередъ и не знающаго отступленія. Наши вожди тоже не знаютъ отступленія, какъ показали примѣры генераловъ Стесселя и Леневица. Боевыя страницы русской арміи богаты подвигами, и не мало въ ней было вождей, не знавшихъ отступленія. Къ числу такихъ относится и герой Кавказа и послѣдней турецкой войны (1877 г.) генераль-адъютантъ И. Д. Лазаревъ. Недавно въ Тифлисѣ вышла книга г. Потто, посвященная этому генералу. Книга составлена съ любовью и совсѣмъ была бы хороша, если бы въ ней не пестрѣли опечатки

чуть не на каждой строчкѣ. Это, впрочемъ, не умаляетъ значенія труда г. Потто.

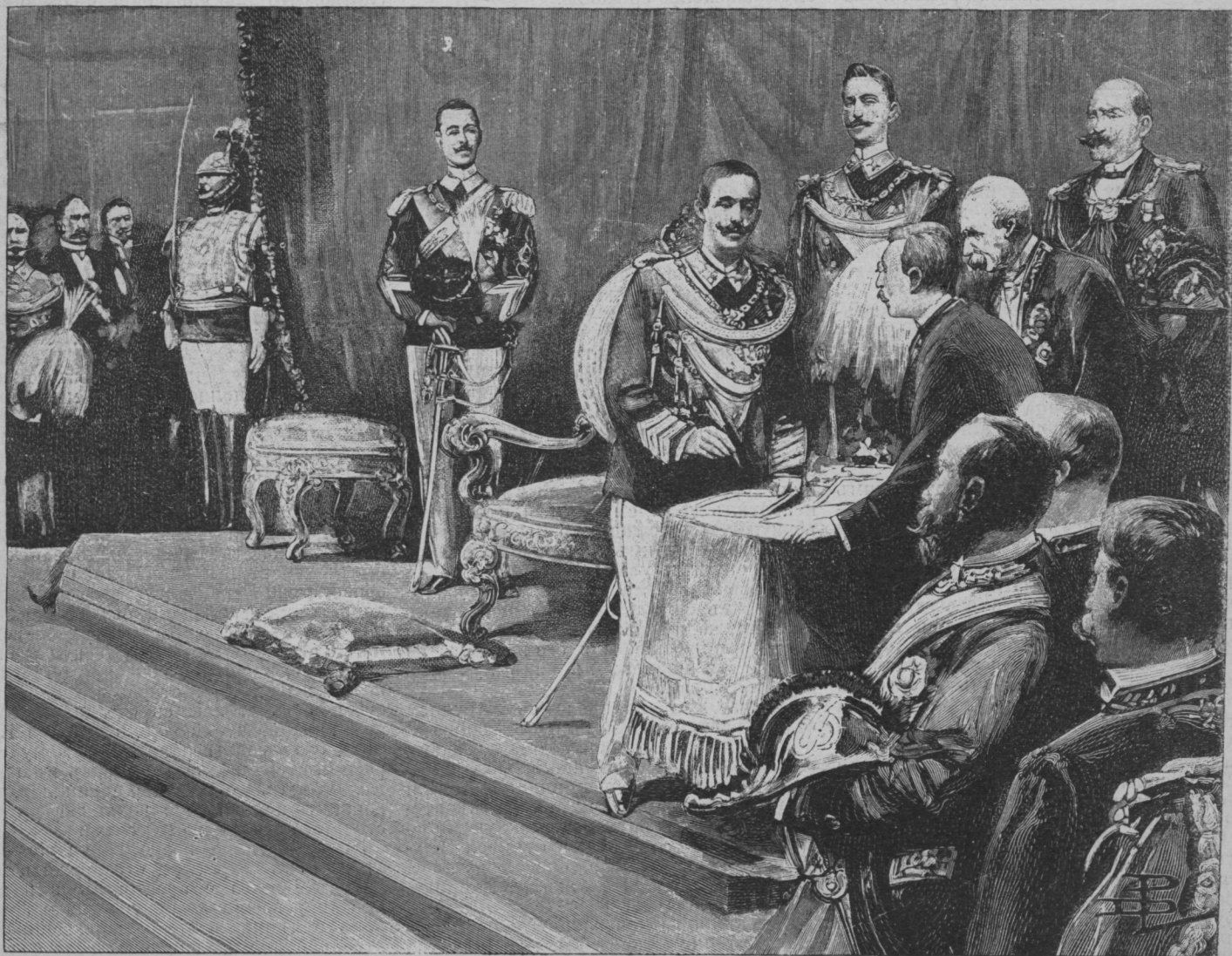
Иванъ Давидовичъ Лазаревъ родился 17 октября 1820 г. въ Шушѣ и происходилъ изъ древней армянской семьи. Уже шести лѣтъ отъ роду ему пришлось увидѣть войну—лѣтомъ 1826 г., когда Шушу осаждало персидское войско. Можетъ быть, даже эти впечатлѣнія пробудили въ немъ воинскій духъ; во всякомъ случаѣ, И. Д. уже съ раннихъ лѣтъ мечталъ о военной службѣ. 18 лѣтъ отъ роду, тайнѣ отъ родныхъ, онъ поступилъ рядовымъ на четырехлѣтнемъ правѣ въ Ширванскій полкъ, славный своими геройскими подвигами на Кавказѣ.

Роковой это былъ моментъ для Кавказа. Это было время мюридизма, фанатическаго ученія, проповѣдывавшаго своимъ послѣдователямъ отреченіе отъ всего земного, безусловное повиновеніе имаму и газаватъ, т. е. религіозную войну противъ невѣрныхъ, въ данномъ случаѣ

противъ русскихъ. Въ 20 годахъ поднялъ знамя этого движенія старый слѣпой постникъ и молитвенникъ мулла Магомедъ. Первыми его учениками были Казимулла, Гамзатъ-бекъ и Шамиль, которые затѣмъ послѣдовательно были имами, т. е. верховными главами Дагестана.

Въ особенности выдвинулся Шамиль, который умѣлъ привлечь на свою сторону магометанскія племена, и весь Дагестанъ былъ объятъ пламенемъ возстанія. Постоянные набѣги на русскихъ, кромѣ истребленія отдѣльных отрядовъ, имѣли цѣлью отнять баранту, т. е. скотъ. Русскіе тоже вторгались въ непокорныя аулы, жгли посѣвы и загоняли баранту. Всѣ аулы были сильными крѣпостями.

Въ такое-то время служилъ Лазаревъ рядовымъ. Впрочемъ, въ 1841 г. онъ уже былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры за отличное знаніе фронта—это было единственной наградой, полученной имъ въ ратнаго поля. Въ томъ же году нѣо

Король итальянскій Викторъ-Эммануилъ III подписываетъ актъ присяги

получилъ боевое крещеніе при взятіи ширванцами Хубара, въ 1842-участвовалъ въ штурмѣ Гергебили, за который былъ удостоенъ знака военнаго ордена. За Даргинскую экспедицію, въ которой русскимъ войскамъ приходилось драться въ дремучемъ лѣсу, Лазаревъ былъ представленъ къ офицерскому чину. Съ этого времени онъ отличается въ бояхъ личною храбростью и распорядительностью, въ 1849 г. получаетъ производство въ капитаны, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ назначается управителемъ мехтулинскаго ханства, которое онъ успѣлъ совершенно обезопасить отъ нападенія враждебныхъ горцевъ. Въ то же время онъ получилъ большую популярность среди населенія, которое ему сослужило большую службу во время сдачи Шамиля. Нужно къ этому прибавить, что Лазаревъ прекрасно говорилъ по-турецки и на нѣсколькихъ туземныхъ языкахъ.

Русскіе повсюду уже одержали побѣду надъ мюридами, единственнымъ ихъ оплотомъ остался Гунибъ, въ которомъ заперся Шамиль съ остатками своихъ войскъ. Это было уже въ 1859 г., и Лазаревъ былъ полковникомъ. Въ половинѣ августа русскія войска обложили Гунибъ, но главнокомандующій князь Барятинскій во избѣжаніе лишняго кровопролитія рѣшилъ начать переговоры съ Шамилемъ и поручилъ ихъ Лазареву. Шамиль съ своей стороны назначилъ для переговоровъ старшаго сына Кази-Магому, и наши парламентаріи прибыли въ сопровожденіи только 10 милиціонеровъ, Кази-Магома тоже явился съ небольшимъ числомъ тѣлохранителей, но вслѣдъ за тѣмъ явилась большая партія мюридовъ. Лазаревъ показалъ на нихъ рукой и сказалъ: это нарушаетъ условія переговоровъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ уклончиво Кази-Магома:—это простая толпа любопытныхъ.

Лазаревъ объявилъ, что въ случаѣ сдачи Шамиля главнокомандующій разрѣшаетъ ему выѣхать въ Мекку со всѣмъ семействомъ и даже принимаетъ на себя дорожные расходы. Затѣмъ онъ выяснилъ всю невозможность дальнѣйшаго сопротивленія горцевъ и совѣтовалъ имъ уступить необходимости, принявъ—пока есть время—великодушное предложеніе главнокомандующаго.

— Имамъ съ благодарностью приметъ эти условія,—отвѣчалъ Кази-Магома—но чтобы переселиться въ Турцію, ему нужно имѣть разрѣшеніе султана. Пусть главнокомандующій дастъ намъ возможность послать гонца въ Константинополь, а до его возвращенія русскіе ничего не должны предпринимать противъ Гуниба.

— Подобныя условія ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть приняты. Главнокомандующій безъ всякаго сомнѣнія дастъ пропускъ вашему гонцу, но, конечно, съ тѣмъ, чтобы Шамиль ожидалъ отвѣта въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, Дербентѣ или Дешлагарѣ, а стоять все это время съ войсками на позиціи—вещь несбыточная.

На этомъ переговоры остановились, и въ концѣ концовъ Шамиль прислалъ главнокомандующему свой знаменитый отвѣтъ: „Да совершится воля Аллаха! Гунибъ гора высокая; на ней правовѣрные мусульмане, и въ ихъ рукахъ мечи для священнаго газавата. Я стою на горѣ. Надо мною еще выше Богъ; русскіе внизу: пускай штурмуютъ“.

И дѣйствительно, 25 августа ночью русскіе пошли на штурмъ, всѣ укрѣпленія были заняты, и Шамиль заперся въ послѣднемъ убѣжищѣ, аулѣ Гуниба, вокругъ котораго стѣною сдвинулось 14 батальоновъ русскихъ войскъ. Баронъ Врангель, стоявшій съ отрядомъ почти подъ самымъ ауломъ, послалъ къ Шамилю съ гребованіемъ безусловной сдачи, общая

начать штурмъ. Шамиль выслалъ парламентаріевъ съ предложеніемъ заключить миръ съ русскими. Ихъ, конечно, отправили ни съ чѣмъ. Тогда Шамиль просилъ прислать къ нему Лазарева.

Лазаревъ поѣхалъ и сразу же обратился къ Шамилю съ такой рѣчью:

— Шамиль! всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ въ горахъ, пока стоятъ самыя горы. Покорись же силѣ судьбы и предайся великодушію государя: ты этимъ спасешь тысячи людей, оставшихся тебѣ вѣрными въ самомъ несчастіи. Въ этой тысячѣ не одни мюриды—ихъ мало, но здѣсь мирные жители, дѣти и женщины. За ихъ слѣбую и безграничную преданность они заслуживаютъ отъ тебя этой жертвы. Покажи, что ты великъ какъ въ счастья, такъ и въ несчастія, и что можешь безропотно и съ твердостью перенести опредѣленіе Всевышняго. Во имя Бога!—пойдемъ, нечего медлить.

Было надъ чѣмъ призадуматься старому Шамилю.

— Если ты убѣжденъ, что со мною русскіе не поступятъ дурно, то иди къ моимъ сыновьямъ и останься тамъ, покуда я не вернусь.

— Я примель сюда по твоему желанію, чтобы вмѣстѣ съ тобой идти къ главнокомандующему, а не присланъ къ тебѣ заложникомъ. Если хочешь, пойдѣмъ теперь же; если не хочешь, то я уйду одинъ.

Въ эту минуту среди мюридовъ раздался громкій ропотъ, и толпа стала надвигаться на Лазарева. Лазаревъ вспыхнулъ. Властнымъ и грознымъ окликомъ онъ заставилъ толпу отшатнуться, а затѣмъ, обращаясь къ Шамилю, сказалъ ему совершенно спокойно.

— Эти люди въ слѣпой приверженности къ тебѣ сами не знаютъ, что говорятъ и что дѣлаютъ. За что они требуютъ гибели твоей и твоей семьи. Жизнь и свобода ея въ твоихъ рукахъ. Рѣшайся, иначе будетъ поздно.

Шамиль колебался.

— Ручаешься ли ты—спросилъ онъ, наконецъ,—что мнѣ позволено будетъ возвратиться къ моему семейству?—Лазаревъ отвѣчалъ утвердительно.

— Хорошо—сказалъ Шамиль—я поѣду, но съ условіемъ, чтобы на пути въ вашъ лагерь не было ни одного мусульманина: я не хочу видѣть людей, измѣнившихъ мнѣ въ несчастія.

Эта просьба была исполнена, милиція была отведена за пѣхоту, и Шамиль сѣлъ на коня и поѣхалъ рядомъ съ Лазаревымъ, окруженный сорока мюридами, державшими ружья на изготовкѣ.

Итакъ, Шамиль шелъ сложить оружіе къ ногамъ главнокомандующаго. Едва онъ показался предъ войсками, какъ грянуло „ура!“ Но этотъ порывъ чуть не испортилъ дѣло: смущенный имамъ повернулъ было лошадей, но Лазаревъ убѣдилъ его, что этимъ крикомъ войска отдадутъ ему дань уваженія.

Стоявшій во главѣ отряда генераль-адъютантъ баронъ Врангель подѣхалъ къ Шамилю и сказалъ ему, что хотя до сихъ поръ русскіе были его врагами, но теперь онъ найдетъ въ нихъ лучшихъ для себя друзей.

Теперь Лазареву предстояла трудная задача разлучить Шамиля съ мюридами и привезти его къ главнокомандующему безъ этой опасной компаніи. Онъ замѣтилъ, что Шамилю неприлично явиться къ главнокомандующему съ такимъ corteжомъ, когда самъ главнокомандующій не имѣетъ при себѣ никакого конвоя. Шамиль и самъ, вѣроятно, опасался, чтобы его мюриды не натворили бѣдъ, и приказалъ имъ остаться.

Пришло новое приказаніе главнокомандующаго—представить Шамиля безоружнымъ, но это могло возбудить подозрѣніе имамъ, и Лазаревъ отмѣнилъ приказаніе за собственной отвѣтственностью.

Ровно въ три часа дня Шамиль подѣхалъ къ главнокомандующему князю Барятинскому, сошелъ съ коня и сталъ предъ нимъ, опираясь одной рукой на кинжалъ, а другой на шашку.

— Шамиль!—сказалъ князь Барятинскій:—ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь. Теперь я самъ пріѣхалъ за тобой. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперь объ этихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Ты долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно тебѣ ручаюсь—за твою личную и твоего семейства безопасность.

Лазаревъ перевелъ эти слова Шамилю.

— Сардары! я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой узденъ, тридцать лѣтъ дравшійся за родину; но теперь народы мои мнѣ измѣнили, наибои мои разбѣжались, да и самъ я утомился борьбой. Я старъ, мнѣ 63 года. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю успѣха Государю въ управленіи горцами для ихъ собственнаго блага.

— Я немедленно пошлю тебя къ Государю Императору—сказалъ Барятинскій, садясь на коня:—а теперь, какъ военнопленный, ты долженъ отправиться въ лагерь, куда полковникъ Лазаревъ доставитъ тебѣ твое семейство.

Шамиль этого не ожидалъ; онъ измѣнился въ лицѣ и, обратившись къ Лазареву, сказалъ: „ты обманулъ меня!“ Положение было критическое. Шамиль, державшійся рукой за кинжалъ, стоялъ такъ близко, что при нападеніи не было возможности защищаться шашкой, и Лазаревъ, какъ онъ самъ рассказывалъ, рѣшился въ случаѣ крайности ударомъ кулака сбросить имамъ въ кручу. Однако, дѣло кончилось мирно. — „Успокойся—сказалъ Лазаревъ—исполни волю сардаря, и ты не будешь раскаиваться: я уже получилъ приказаніе привезти къ тебѣ твое семейство“. Шамиль уѣхалъ, а И. Д. отправился къ мюридамъ, которые, долго не видя своего повелителя, начали было волноваться, а когда подѣхалъ Лазаревъ, бросились къ нему съ угрозами, требуя возвращенія имамъ.

— Имамъ—сказалъ Лазаревъ—бесѣдуетъ съ главнокомандующимъ, а я посланъ въ аулъ привезти его семейство. Слѣдуйте и вы за мною.

Лазаревъ, будучи одинъ безъ конвоя, находился въ полной власти мюридовъ, но его спокойствіе до такой степени обезоружило этихъ суровыхъ людей, что они поѣхали за нимъ съ такой же покорностью, какъ прежде ѣздили за своимъ имамомъ.

Перевозка семейства Шамиля въ лагерь доставила Лазареву не мало хлопотъ, такъ какъ темная ночь застигла его въ дорогѣ, и пришлось заночевать на берегу рѣки Кара-Койсу. Въ довершеніе неприятностей младшій сынъ Шамиля Магометъ Шефи со своимъ семействомъ и съ одной изъ женъ имамъ куда-то исчезъ. Послѣ долгихъ поисковъ онъ былъ найденъ на другой сторонѣ рѣки, куда онъ попалъ, отбившись отъ поѣзда. Утромъ, наконецъ, Лазаревъ привезъ Шамилю его семейство и напомнилъ ему вчерашній несправедливый упрекъ въ обманѣ. Шамиль добродушно извинился, говоря, что не надѣялся на такой дружественный пріемъ побѣдителей.

Лазареву дано новое порученіе—на этотъ разъ секретное, обезоружить мюридовъ Гуниба и арестовать ихъ для преданія военному суду. Однако, Лазаревъ отмѣнилъ и это распоряженіе собственной властью и прислалъ такое разъясненіе: „безоружить мюридовъ, которые недавно еще обрекали себя на смерть въ защиту имамъ, значило бы вы-

звать новый, кровопролитный штурмъ, котораго такъ избѣгалъ самъ главнокомандующій. Но только штурмъ этотъ былъ бы еще ужаснѣе, чѣмъ первый, такъ какъ послѣ плѣненія Шамиля въ немъ нѣтъ надобности, а между тѣмъ въ разгарѣ его погибли бы не только мюриды, но и женщины, и дѣти. Главнокомандующій согласился съ этимъ и приказалъ оставить мюридовъ безъ всякаго преслѣдованія.

Таково участіе Лазарева въ послѣднемъ актѣ драмы, болѣе 30 лѣтъ разыгрывавшейся въ Дагестанѣ.

Къ событіямъ въ Китаѣ.

Китайская вѣжливость.

Одинъ изъ миссіонеровъ разсказываетъ любопытную исторію о китайской вѣжливости. „Былъ праздничный день. Мы служили у перваго крестившагося въ этой деревнѣ, и его домъ былъ превращенъ въ большую часовню. Христіанъ изъ сосѣднихъ деревень набралось большое количество. По окончаніи богослуженія хозяинъ сталъ посреди двора и закричалъ: „никто пускай не уходитъ: я приглашаю всѣхъ покушать у меня риса“. Затѣмъ онъ принялся переходить отъ одного къ другому и всѣхъ упрасивалъ остаться. Но всѣ извинялись и уходили изъ двора. Хозяинъ казался очень опечаленнымъ этимъ, и когда одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ направился тоже къ выходу, онъ налетѣлъ на него и началъ упрасивать: „какъ, и ты, братъ, хочешь уйти? Это невозможно!—сегодня праздникъ, и я хочу, чтобы ты у меня остался“. — „Не заставляй меня, пожалуйста!—отвѣтилъ тотъ, я положительно не могу у тебя остаться. Мнѣ необходимо идти домой, такъ какъ у меня есть спѣшное дѣло“.

— „Спѣшное дѣло? Но вѣдь сегодня день отдыха, и ты долженъ остаться, я тебя не выпущу!“ онъ схватилъ кузена за одежду и изо всѣхъ силъ тащилъ его въ домъ. Тотъ отбивался изо всѣхъ силъ и настаивалъ, что ему нужно домой. — „Ну хорошо,—сказалъ хозяинъ дома—если ты у меня не хочешь покушать риса, то хоть выпьемъ по стаканчику вина. Я потеряю мое лицо (буду стыдиться), если мой братъ уйдетъ отъ меня, не закусивъ“.

— „Ну ладно,—отвѣтилъ кузенъ—давай выпьемъ вмѣстѣ вина: это надолго не задержитъ“.

Хозяинъ и гость вошли въ домъ и усѣлись въ пріемной комнатѣ. Хозяинъ крикнулъ громкимъ голосомъ, но ни къ кому не обращаясь, чтобы согрѣли вино, — китайцы пьютъ вино теплымъ, — и спекли пару яицъ. Пока ждали теплаго вина и яицъ, закурили трубки. Курили, разговаривали, но ни о винѣ, ни о яйцахъ ничего не было слышно.

Наконецъ, гость, которому дѣйствительно нужно было спѣшить домой, вышелъ изъ терпѣнія и спросилъ любезнаго хозяина, скоро ли нагрѣется вино?

— „Вино? — но у меня вовсе и нѣтъ вина въ домѣ!—отвѣтилъ хозяинъ—я его не пью, такъ какъ оно причиняетъ мнѣ боли въ желудкѣ“.

— „Но въ такомъ случаѣ тебѣ слѣдовало отпустить меня домой и не задерживать своими просьбами“. Это ужъ показалось хозяину чрезчуръ дерзкимъ, онъ обратился съ гнѣвной миной къ своему гостю и закричалъ: „Изъ какой ты страны, однако? Я былъ настолько вѣжливъ, что пригласилъ тебя на стаканъ вина, а у тебя не хватило вѣжливости отказаться. Гдѣ ты учился приличіямъ—не у монголовъ ли? Бѣдный гость понялъ, что совершилъ большое неприличіе, попросилъ извиненія,

потушилъ свою трубку и ушелъ, несолоно хлебавши.“

Миссіонеръ присутствовалъ при всей этой исторіи, такъ какъ былъ за сосѣдней стѣной, и просто не могъ удержаться отъ смѣху. Но хозяину было не до смѣха, онъ гнѣвался: „видалъ ли кто-либо чело-вѣка, который былъ бы такъ невоспитанъ? Вѣжливый чело-вѣкъ долженъ вѣжливостію отвѣчать на вѣжливость и съ благодарностію отказываться отъ приглашеній. Если этого не будетъ, то куда мы пойдемъ?“

Китайскіе ордена.

Одинъ изъ французскихъ писателей предупреждаетъ, что китайскимъ орденамъ не очень-то слѣдуетъ вѣрить, на нѣкоторыхъ изъ нихъ іероглифы и разныя фигуры обозначаютъ ругательства по адресу „рыжихъ чертей“ и „иностран-ныхъ собакъ“. По этому случаю тотъ же писатель разсказываетъ уморительную исторію объ одномъ французѣ, который страстно хотѣлъ получить китайскій орденъ. Посолъ передъ отъѣздомъ въ Пекинъ обѣщалъ ему привезти оттуда звѣзду, но забылъ и пріѣхалъ ни съ чѣмъ. Жажущій китайскаго ордена французъ тотчасъ же по пріѣздѣ посланника явился къ нему, и тотъ рѣшилъ отдать ему собственную свою звѣзду, полученную отъ богдыхана на прощальной аудіенціи.

„Китайцы — рѣшилъ онъ,—не станутъ спрашивать о дипломѣ на орденъ, а онъ меня по крайней мѣрѣ въ покоѣ оставитъ“.

Пріятель, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, обрадованъ, благодаритъ посла и черезъ нѣсколько дней одѣваетъ блестящую звѣзду, чтобы ѣхать на обѣдъ въ китайское посольство. Сразу же онъ замѣчаетъ какія-то странныя улыбки по своему адресу со стороны членовъ китайской миссіи, и всѣ они какъ-то особенно внимательно засматриваются на его орденъ, но чиновникъ объ этомъ не особенно печалился: „просто не умѣютъ себя держать эти дикари!“ Послѣ обѣда къ нему подошелъ китайскій посланникъ и, вѣжливо поклонившись, отвелъ его въ сторону и спросилъ, когда онъ получилъ этотъ орденъ и „принадлежитъ ли онъ вамъ?“ — „Ну, конечно!“ — „Тогда это просто изумительно: на этомъ орденѣ я читаю, что эта драгоценная звѣзда пожалована моимъ императоромъ тому французскому посланнику, который на-дняхъ возвратился изъ Пекина“. Чиновникъ никогда не могъ простить этого дипломату.

Китайскіе тосты.

Бываютъ такіе случаи, когда по китайскому обычаю полагается пить за здоровье и произносить тосты. Это производится согласно строго опредѣленному церемоніалу. Два соответствующихъ лица встаютъ одновременно. Каждый держитъ чашку обѣими руками, и такъ они выходятъ на середину комнаты. Затѣмъ они медленно поднимаютъ чашки къ губамъ и затѣмъ начинаютъ медленно опускать ихъ къ землѣ, и чѣмъ ниже опускаютъ чашки, тѣмъ больше почтенія. Это производится три, шесть и девять разъ, и остальные гости съ большимъ вниманіемъ смотрятъ за точнымъ исполненіемъ церемоніала. Послѣ ряда такихъ опусканій, пьющіе за здоровье подносятъ, наконецъ, чашки ко рту, выпиваютъ содержимое и переворачиваютъ чашки вверхъ дномъ, чтобы показать, что тамъ ничего не осталось.

Спрятанные боги.

Чикагскіе китайцы испугались мести со стороны „рыжихъ варваровъ“ въ виду

событій въ Китаѣ и рѣшили зарыть своихъ боговъ.

На этихъ дняхъ съ разсвѣтомъ выѣхали двѣ повозки изъ мѣстнаго китайскаго храма подъ охраной большой вооруженной толпы. Въ повозкахъ были нагружены идолы и другіе предметы культа. Вблизи Морганъ-парка всѣ эти священные для китайцевъ предметы были зарыты съ большою таинственностію.

Теперь чикагскіе китайцы успокоились: они совершили священную обязанность и убѣждены, что боги останутся къ нимъ милостивыми и возьмутъ ихъ сторону противъ „рыжихъ чертей“.

Китайскіе гонцы.

Въ настоящее время, когда въ Китаѣ уничтожены почти всѣ телеграфныя линіи и желѣзныя дороги, извѣстія между китайскими мандаринами и губернаторами передаются исключительно гонцами. И въ обычное время дѣйствуютъ въ большей части государства эти гонцы, такъ какъ тамъ нѣтъ ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ. Эти гонцы составляютъ особый классъ и прежде допущенія къ исполненію своихъ многотрудныхъ обязанностей должны много и долго упражняться. Чтобы пріобрѣсти способность преодолевать препятствія гористыхъ мѣстностей, они подвязываютъ къ ногамъ наполненные пескомъ мѣшки. Затѣмъ они проходятъ большія разстоянія и такъ пріучаются къ тому, что могутъ идти безъ остановки нѣсколько дней. Ихъ можно узнать по одеждѣ. Вокругъ тѣла у нихъ обмотанъ тройной хлопчатобумажный поясъ, заостренная шапочка, прочныя кожаныя сандалии и черезъ плечо на ремнѣ сумка для денегъ.

Чудесный садъ Чемакуана.

Въ XI столѣтіи послѣ Р. Х. жилъ знаменитый китайскій поэтъ и писатель Чемакуанъ. Во время несовершеннолѣтія императора Четсона онъ игралъ роль и въ государственномъ управленіи, а кроме того долженъ былъ признанъ однимъ изъ предшественниковъ социализма. Мы приводимъ здѣсь одну изъ страничекъ его лирической поэзіи.

„Если другіе строятъ увеселительные замки затѣмъ, чтобы въ нихъ убѣгать въ минуты печали и дурного настроенія, то я построилъ свою дачку, чтобы въ свободные часы отдыхать тамъ, проводить время по собственному желанію и видѣть себя окруженнымъ добрыми друзьями.“

Двадцать акровъ земли достаточно для исполненія моего плана.

Въ серединѣ возвышается большая зала, въ которой размѣщено пять тысячъ произведеній, къ которымъ можно обращаться съ вопросами по всѣмъ наукамъ и войти въ общеніе съ древностію.

Далѣе къ югу, посреди воды, другая зала. Съ западныхъ горъ катится ручей и на моемъ владѣніи, какъ котокъ леопарда, раздѣляется на пять рукавовъ и образуетъ глубокий прудъ, на которомъ плаваютъ гордые лебеди.

На берегу перваго рукава, который все время низвергается, образуя нѣсколько водопадовъ, возвышается скала. На ея изогнутой, подобно слоновому клыку, вершинѣ, расщелина, которая какъ разъ настолько велика, чтобы въ ней дышать свѣжимъ воздухомъ и любоваться утренней зарей въ ея волшебномъ блескѣ. Второй рукавъ дѣлится на два потока, которые, какъ змѣи, обвиваются вокругъ галлерей, а она въ свою очередь окружена террасой съ цвѣтами, и платформы ея усажены розами и гранатами.

Западная часть ручья заворачивается дугой къ сѣверу и образуетъ съ сосѣднимъ рукавомъ островокъ. Его берегъ весь усыпанъ раковинами и цвѣтными камешками. Одна часть островка заросла

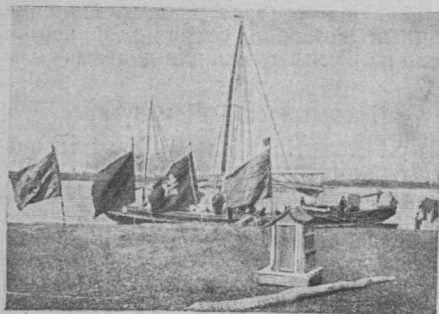
На русско-китайской границѣ. — Улица въ предмѣстьѣ Благовѣщенска.

зелеными деревьями, а на другой стоитъ увеселительный домикъ, по образцу рыбацкихъ хижинъ, весь изъ тростника и камыша.

Остальные ручейки то соединяются, то расходятся и текутъ по цвѣтистому лугу, свѣжесть его поддерживается водой. Нѣ-

емъ садикъ, и говоритъ тогда моей душѣ природа".

Мы привели это поэтическое произведение XI вѣка, это былъ вѣкъ расцвѣта китайской литературы, и чудесный садъ Чемакуана, своей простотой и поэтичностью, представляетъ яркую противоположность нынѣшней напыщенной литературы.

Китайская джонка на рѣкѣ Уссури.

сколько разъ, образуя водопадики, выходятъ они изъ моихъ предѣловъ, затѣмъ и совсѣмъ уходятъ съ лужка и вливаются въ узкую рѣчку, теряются въ ней и блуждаютъ въ скалистомъ лабиринтѣ ея теченія. Пѣнясь и вздымаясь, катятся волны по узкой дорогѣ.

Къ сѣверу отъ большого зала лежатъ меньшія, безъ порядка раскинутыя зданія. Одни изъ нихъ стоятъ на маленькихъ холмахъ, которые вздымаются одинъ надъ другимъ, какъ мать между своими дѣтьми. Другія бѣгутъ по склону холма, а нѣкоторыя пристроились въ лощинахъ, такъ что ихъ видна лишь половина.

Все вокругъ обсажено развѣсистыми бамбуками, а подъ ними прорѣзаны дорожки, усыпанныя пескомъ, куда никогда не достигаетъ солнечный лучъ. На востокъ небольшая равнина. Старые кедры защищаютъ ее отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Все усажено благоуханными цвѣтами и цѣлительными травами и кустарникомъ.

Въ этомъ прекрасномъ уголкѣ весна никогда не проходитъ. Маленькій лѣсокъ гранатовъ, лимонъ и померанцевъ, всегда въ цвѣту и въ плодахъ, стоитъ на горизонтѣ.

Восхитительно это уединеніе. Особенное удовольствіе доставляетъ мнѣ рвать цвѣты въ моемъ саду, и я это дѣлаю не только для себя, но и чтобъ одарить своихъ друзей.

Вечеромъ, когда послѣдніе лучи солнца попрощаются съ землей и выйдетъ блѣдный мѣсяцъ, хорошо грезить въ мо-

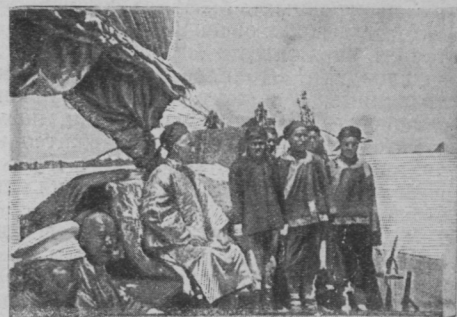
Китайская медицина.

Срединная имперія является страной врачей пульса. И діагнозъ, и прогнозъ, и леченіе—все основывается только на одной теоріи пульса. Длиннокосые слуги эскулапа узнаютъ всѣ болѣзни по бѣнію пульса. Однако эта теорія совсѣмъ особенная, именно каждая часть тѣла имѣетъ свой пульсъ. Врачи нащупываютъ пульсъ: во-первыхъ, въ двухъ сгибахъ руки, а затѣмъ и еще въ шести мѣстахъ каждой руки. Далѣе, по ихъ мнѣнію сѣдлаще теплоты находится въ желчи, а влага въ почкахъ. Душа живетъ въ печени и мозгу, радость и веселье—въ желудкѣ,—это послѣднее, положимъ, имѣетъ свое основаніе и не для однихъ китайцевъ. Медицинская практика въ Китаѣ совершенно свободна, и только врачи императора, числомъ около 30, обязаны выдержать экзаменъ предъ медицинской коллегіей въ Пекинѣ. Въ этого лечитъ безъ всякихъ препятствій всякій, кто простудировалъ старыя книги рецептовъ. Какъ и у насъ, нѣкоторые врачи въ Китаѣ пользуются большимъ успѣхомъ, другіе меньшимъ. Въ особенности же

много пациентовъ у происходящихъ изъ семей, въ которыхъ цѣлый рядъ поколѣній занимался медицинской практикой. Наоборотъ, европейскій врачъ вовсе не можетъ импонировать китайцу уже по одному тому, что ему не нужно столько инструментовъ, сколько приходится употреблять китайцу. Народъ очень часто прилагаетъ шутивыя названія своимъ туземнымъ докторамъ—д-ръ Ревень, д-ръ Сольлизъ оленьяго рога—смотря по тѣмъ лекарствамъ, которые любятъ прописывать данный докторъ.

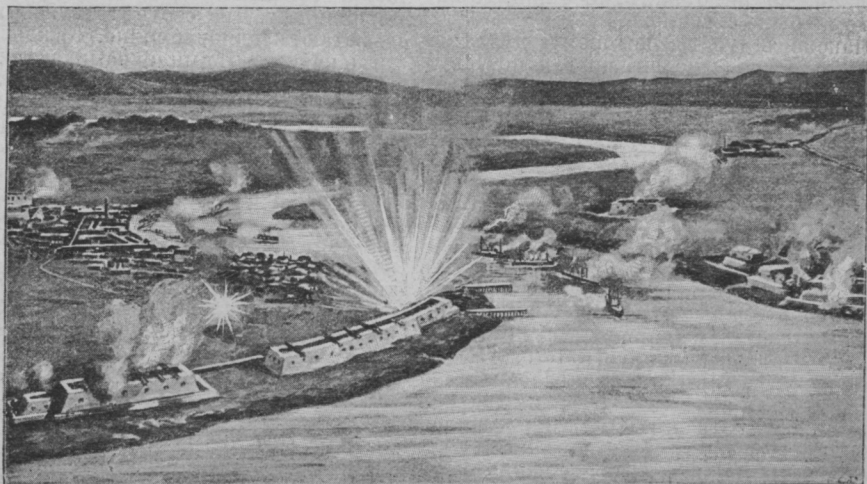
Образъ жизни этихъ докторовъ, у всѣхъ одинаковый. До десяти часовъ они принимаютъ пациентовъ у себя на дому, а затѣмъ дѣлаютъ визиты, по большей части въ паланкинѣ. Больной обыкновенно выставляетъ предъ своимъ домомъ табличку своего доктора, чтобы тотъ легче нашелъ его квартиру, а это далеко не легкая задача, такъ какъ всѣ дома китайцевъ похожи другъ на друга, какъ вылитые, а нумерація домовъ даже неизвѣстна въ Китаѣ. Доктора принимаютъ родственники больного съ величайшими изъясненіями почтенія, предлагаютъ чаю и трубку и затѣмъ просятъ щупать пульсъ, который все ему скажетъ. Затѣмъ докторъ пишетъ длиннѣйшій рецептъ на большомъ кускѣ бумаги.

Рецептъ готовится конечно въ аптекѣ. И внѣшность, и внутреннее устройство аптекъ производятъ далеко неудовлетворительное на европейскій глазъ впечатлѣніе. Даже уже надпись.

Капитанъ китайской джонки на р. Уссури.

находящаяся на всѣхъ аптекахъ, можетъ привести въ смущеніе: „аптекарь, который продаетъ лекарства, необходимо два глаза; доктору, который ихъ прописываетъ, достаточно одного, а пациентъ долженъ быть слѣпъ“. Въ аптекѣ стоитъ алтарь предковъ владѣльца, на которомъ стоятъ жертвы—кушанья и горящія свѣчи. На полкахъ—ряды фарфоровыхъ горшковъ, мраморныя и гранитныя ступки, ситечки для пульверизированія и нѣсколько огнеупорныхъ тиглей—вотъ

Общій видъ бомбардировки фортовъ Таку въ ночь на 4 іюня.

По манчжурской желѣзной дорогѣ. — Усыпальница богдыхановъ въ городѣ Мукденѣ.

вся обстановка китайской аптеки. Все искусство китайскихъ аптекарей заключается въ сохраненіи и приготовленіи растений и другихъ естественныхъ продуктовъ. Въ общемъ китайцамъ не извѣстно дѣленіе на химию, физику и биологию, а также и научные методы опредѣленія температуры и удѣльнаго вѣса. Правда,

ющее: „возьми немного чеснока, истолки его мелко вмѣстѣ съ такимъ же количествомъ тигроваго когтя, вымажь этимъ челюсти, и боль какъ рукой сниметъ“. Китайскія медицинскія книги даютъ рецепты не только для всѣхъ болѣзней, но даже и для тушенія пожара. Это средство такъ курьезно, что его нельзя не привести: „возьми три куриныхъ яйца, напиши на толстомъ концѣ каждаго „жарко“, — а на тонкомъ — „чудесно“, и затѣмъ бросай одно за другимъ эти яйца

Китайскій паспортъ, выданный губернаторомъ Шантунской провинціи.

въ Китаѣ употребляется нѣсколько химическихъ веществъ, но врачи обыкновенно совершенно равнодушны къ количеству отдѣльныхъ веществъ въ лекарствѣ. Дѣйствіе лекарства, по мнѣнію китайца, зависитъ отъ формы, въ какой оно дается, — въ видѣ ли порошка, пилюли или раствора? Вотъ списокъ лекарствъ, которыя употребляются въ Китаѣ: тигровыя кости, сушеная кровь, медвѣжья желчь, ослиный клей, древесные клопы, слоновая желчь, ископаемые зубы, птичьи желудки, „насъкомыя съ новыми запахами“, коровья шерсть, стекло, рогъ носорога, драконовы зубы, солома, сушеные шелковичные черви, змѣиный шкур, рачьи глаза и лошадиные хвосты. А вотъ китайскій рецептъ противъ морской болѣзни: „напиши знакъ земли на ладони, прежде чѣмъ вступишь на корабль; или спрячь въ волосы, такъ чтобы никто не видалъ, кусокъ извести“. Противъ зубной боли самымъ надежнымъ средствомъ считается слѣду-

въ огонь со словами „фушефабиумъ, фушефабиумъ“. Въ общемъ китайскія лекарства очень маслянисты и темной окраски. Большой славой пользуются во всемъ Китаѣ красныя пилюли, которыя носятъ громкое названіе: „сверхъестественное сокровище для всего“. Онѣ считаются за всецѣлительное средство, противъ котораго не устоитъ ни одна болѣзнь.

Гонораръ врачъ получаетъ тотчасъ же по приходѣ. Онъ колеблется отъ 25 коп. до рубля и болѣе, смотря по состоянію больного. Гонораръ подается завернутымъ въ бумажку и называется „золотою благодарностью“. Если больной китаецъ сразу не вылечится, то онъ посылаетъ за вторымъ, за третьимъ, за четвертымъ врачами, а иногда и большее ихъ количество перебивается у постели больного, не могущаго никакъ вылечиться. Въ концѣ концовъ родственники, которымъ надоѣли врачи, либо начинаютъ сами лечить, либо обращаются къ тому изъ боговъ, который обладаетъ наибольшей цѣлительной силой.

Въ Китаѣ часто встрѣчаются вещи, которыя на нашъ европейскій взглядъ ка-

Рисунокъ китайскаго художника. — Бѣгство европейцевъ отъ китайцевъ.

Нападеніе китайскихъ войскъ на международный отрядъ адмирала Сеймура.

жуются чудовищными. Если врач объявит, что больной выздоровеет не иначе, как если он столько времени будет придерживаться известнаго лечения, то очень часто собираются вокруг постели больного и совѣтуются, не лучше-ли ему умереть. Больной уже престарѣлый или его болѣзнь не оставляет никаких надежд на продолжение жизни, — поэтому родственники совѣтуют ему отказаться отъ вмѣшательства медицины и сохранить деньги. Не рѣдко и самъ больной высказывает ту мысль, что гораздо лучше обойтись безъ лекачества, а купить красивый гробъ.

У китайцевъ существуетъ довольно неприятное для врачей предписаніе, они должны по ночамъ вывѣшивать столько фонарей, сколько у нихъ умерло больныхъ. На этотъ счетъ разсказывается любопытный анекдотъ, о которомъ можно сказать *si non e vero e ben trovato* (если не правда, то все-таки хорошо выдуманно). Одинъ, европеецъ проживавшій по дѣламъ въ Пекинѣ, искалъ доктора для своей заболѣвшей жены. Что ни подойдетъ онъ къ докторскому дому — громадное количество фонарей. Это, конечно, его пугало, и онъ спѣшилъ прочь. Пробѣгавши нѣсколько часовъ, европеецъ остановился наконецъ предъ квартирой врача, у которой горѣло всего три фонаря. Счастливый европеецъ врывается къ нему въ домъ, будить и ведетъ за собой. По дорогѣ онъ говоритъ врачу: „ты долженъ быть самый лучший докторъ въ этомъ большомъ городѣ!“ — „А почему ты такъ думаешь?“

— „Да вѣдь у тебя только три фонаря, а у другихъ твоихъ коллегъ десятки“.

— „А это потому — отвѣтилъ длинно-косый сынъ эскулапа, — что я практикую только со вчерашняго дня“.

Въ медицину идетъ много бакалавровъ, не получившихъ высшаго званія, а потому и не могущихъ получить мандаринства. Поэтому, Китай кишитъ докторами, хотя и всякій отдѣльный китаецъ кое-что понимаетъ въ лекарствахъ и пластыряхъ.

Китайскія гостиницы.

Если усталый путешественникъ по Китаю не захочетъ провести ночь подъ открытымъ небомъ — а это даже и опасно въ виду массы разбойниковъ и грабителей, то ему нужно остановиться въ одной изъ гостиницъ. Практическій вопросъ: „въ которой изъ гостиницъ остановиться?“ — разрѣшается безъ всякаго труда. Хотя во всякомъ мало-мальски торговомъ мѣстечкѣ имѣется помногу такихъ гостиницъ, но всѣ онѣ до неузнаваемости похожи одна на другую и всѣ самаго первобытнаго устройства. Въ нихъ не приходится подниматься по высокимъ лѣстницамъ и на элеваторахъ, потому что всѣ китайскіе дома одноэтажны, — такія же и гостиницы. Постройка домовъ у китайцевъ идетъ на волю Божью. Они не обязаны представлять плановъ, никакое начальство не наблюдаетъ за постройкой, не требуется знающій архитекторъ. Всякій является самъ архитекторомъ и строитъ, какъ умѣетъ. Да и вообще китайское начальство ни о чемъ не заботится. Если подданный платитъ исправно налоги, то все остальное оставляется на его полную волю, и никакіе параграфы закона не преслѣдуютъ. Если домъ обрушится — а это часто въ Китаѣ случается въ дождливое время года, даже если при этомъ кто-либо будетъ убитъ, — китайской полиціи до этого нѣтъ дѣла: въ Китаѣ не существуетъ уголовного наказанія за грубую неосторожность. Полъ во всѣхъ домахъ безъ половницъ и ковровъ, состоитъ просто изъ утоптанной земли и только въ болѣе богатыхъ домахъ покрытъ циновками. На этотъ полъ всякій китаецъ плюетъ безъ стѣсненія.

Одинъ высокопоставленный мандаринъ устроилъ себѣ домъ по европейскому образцу и со всѣмъ комфортомъ, и когда у него спросили, какъ ему нравится этотъ домъ, то мандаринъ отвѣтилъ: „все въ немъ превосходно, только нѣтъ земли, чтобы на нее безъ стѣсненія плевать“.

Первое, что бросается въ глаза въ каждомъ китайскомъ домѣ — это хань, четырехугольное возвышеніе изъ кирпичей или изъ прессованной земли. Онъ идетъ почти во всю длину комнаты и представляетъ важнѣйшую принадлежность китайскаго дома. Китаецъ не можетъ себѣ представить дома безъ хана. На немъ ѣдятъ, разговариваютъ, курятъ опиумъ и спятъ. Ханъ представляетъ европейскую печь, которая въ Китаѣ абсолютно неизвѣстна. Ханъ внутри имѣетъ пустое пространство, куда накладывается топливо — дрова или солома. Эта китайская печь даетъ болѣе дыма, чѣмъ тепла, и дѣлаетъ для европейца просто нестерпимымъ пребываніе въ китайской комнатѣ съ ханомъ. Дымъ до такой степени наполняетъ всю комнату, что трудно рассмотреть предметъ на разстояніи аршина. Китайца это ничуть не смущаетъ, и онъ спокойно куритъ свою трубку. Конечно, этотъ дымъ является причиной распространности глазныхъ болѣзней въ Китаѣ. Гостиницы не составляютъ исключенія, и европеецъ въ дыму долженъ расположиться въ надеждѣ заснуть, но это ему обыкновенно долго не удается.

О постели для прожившихъ китайцы не заботятся, и приходится самому устраиваться. Подъ голову обыкновенно кладутъ сѣдло. Это имѣетъ еще то преимущество, что оно не будетъ украдено китайцами. „Въ гостиницѣ — описываетъ путешественникъ — ничего не напоминало о комфортабельномъ устройствѣ, къ которому привыкли въ Европѣ. Распнатый столъ стоялъ посрединѣ, при нашемъ входѣ кельнеръ поспѣшилъ вытереть его бумагой. Въмѣсто стульевъ какія-то удивительныя сооруженія, вродѣ тѣхъ козель, на которыхъ европейскіе плотники строгаютъ доски. Только по особенному настоянію дають чашку воды для умыванья. Стѣны комнаты когда-то были обиты бумажками и обоями. Въ окнахъ вмѣсто стеколъ прозрачная бумага съ различными каррикатурами людей, животныхъ и деревьевъ. Дождь, вѣтеръ и особенно пальцы любопытныхъ продѣлали уже не мало отверстій. Это, однако, не смущаетъ хозяина, и онъ только наклеиваетъ на бумагу заплаты. Въ жаркое время года всѣ эти бумажки просто обрываются для вентиляцій.

На распнатымъ столѣ стоялъ неизбѣжный чайный котелъ, нѣсколько чашекъ и китайская лампа. Это деревянная или желѣзная колонка — на широкомъ деревянномъ основаніи, при томъ вся выпачканная пылью и масломъ; на концѣ колонки резервуаръ съ масломъ, въ формѣ воронки, въ которой горитъ очень скверный фитиль изъ ваты или бумаги. При этомъ электрическомъ освѣщеніи видно ровно настолько, чтобы не пронести ложку мимо рта, но не столько, чтобы замѣтить валяющіеся на полу предметы и не споткнуться на нихъ.

Въ такихъ гостиницахъ можно получить чай, водку, хлѣбъ, яйца, овощи, рыбу и иногда свинину, — если хозяинъ не магометанинъ. Всѣ эти закуски подаются на крошечныхъ блюдечкахъ, а ѣсть приходится двумя тоненькими деревянными палочками, въ поларшина длиной.

Счастливъ путешественникъ, если онъ можетъ выхлопотать отдѣльную комнату. Однако, по его припадѣ такая комната приспособляется. Очень часто оттуда выводится оселъ или какое-либо другое четвероногое животное, и начинается чистка комнаты. Само собой разумѣется, по отвѣдѣ путешественника оселъ водворяется на прежнее мѣсто. Однако, и

все-таки предпочитаютъ такую отдѣльную комнату, чѣмъ общую съ ханомъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ помѣщается 20, 30 и даже 50 китайцевъ. Кто попадетъ въ эту комнату, долженъ очень раскаться. Одни изъ нихъ идутъ на пари, другіе болтаютъ, третьи ссорятся и лепечутъ, очень похоже на еврейскій говоръ, иные курятъ маленькія трубки или большіе кальяны. Многие курятъ опиумъ, запахъ котораго для европейца просто невыносимъ. У лампы присѣли ловцы, истребляющіе маленькихъ звѣрей въ одеждахъ. Наконецъ, нѣкоторые по-двое чешутъ и заплетаютъ другъ другу косы и также внимательно всматриваются въ волосы, чтобы извлечь оттуда маленькую дичь“.

Помѣщеніе и столъ въ этихъ гостиницахъ обходится очень дешево: за 40—50 к. въ день сытъ и имѣетъ пріютъ и самъ путешественникъ и его лошадь.

ЗАПУТАННОЕ РОДСТВО.

Изумительный романъ разыгрался въ послѣднее время. Героємъ его является нѣкій Фридрихъ Шрамъ, а мѣстомъ дѣйствія отчасти рейнская провинція, а отчасти Чикаго. Восемь лѣтъ тому назадъ Шрамъ въ городѣ Кашпелѣ на Рейнѣ свелъ знакомство съ хорошенькой и не безъ состоянія дѣвушкой, поухаживать и женился на ней. Семейное счастье однако не было продолжительнымъ. Г-жа Шрамъ ушла къ своей матери и развелась съ мужемъ. А между тѣмъ Шрамъ женился на богатой вдовѣ Линѣ Кюстеръ. У вдовы было трое почти взрослыхъ дѣтей Гансъ, Августа и Гретхенъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы молодая пара эмигрировала въ Америку и взяла съ собой дѣвушекъ, а Гансъ остался въ Германіи. Г-жа Шрамъ № 2 не выдержала чикагскаго климата и умерла, завѣщавши состояніе сыну и двумъ дочерямъ. Это не понравилось супругу, но онъ нашелся, какъ помочь себѣ въ этомъ, и женился на старшей своей падчерицѣ Августѣ. Но и этотъ бракъ оказался неудачнымъ: мужъ засталъ ее ночью въ объятіяхъ молодого любовника. Быстро рѣшившись, Шрамъ дѣлаетъ предложеніе второй падчерицѣ, но та не пожелала быть наслѣдницей матери и сестры и отказала. Шрамъ тѣмъ не менѣе возбудилъ бракоразводный процессъ противъ Августы. Но тутъ явилось новое осложненіе. Его пасынокъ Гансъ Кюстеръ женился на первой женѣ Шрама и отправился въ Чикаго, чтобы вырвать у тещи свое состояніе. Такимъ образомъ Шраму пришлось увидѣться съ первой женой. Онъ вручилъ своему пасынку слѣдующее — не безъ неудовольствія конечно — и тотъ уѣхалъ домой. Шрамъ женился въ четвертый разъ, такъ какъ судъ уже успѣлъ его развести съ Августой.

ДОБРОСОВѣСТНЫЙ ЭКСПЕРТЪ.

Оригинальнѣйшій экспериментъ былъ воспроизведенъ недавно въ амстердамскомъ судѣ экспертомъ, призваннымъ дать сужденіе по химической части. Дѣло шло о кражѣ банкноты въ 25 гульденовъ. Обвинялся почтовый чиновникъ. Несмотря на всѣ поиски, пропавшій банкнотъ не былъ найденъ ни у обвиняемаго, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Въ концѣ концовъ пришли къ убѣжденію, что обвиняемый проглотилъ этотъ банкнотъ, но и въ этомъ отношеніи были произведены самыя тщательныя изслѣдованія и ни къ чему не привели. Тогда рѣшили, что этотъ банкнотъ совершенно переварился въ желудкѣ. Призванный на судъ экспертъ никакъ не могъ примириться съ такимъ предположеніемъ, отправился въ голландскій національный банкъ, полу-

чилъ банкнотъ въ 25 гульденовъ и въ присутствіи свидѣтелей проглотилъ его, свернувши въ маленький шарикъ. Какъ потомъ оказалось, бумага и печать банкноты оказались совершенно неповрежденными дѣйствіемъ желудочнаго сока, и такимъ образомъ экспертъ опытомъ доказалъ судьямъ, что предположенія о томъ, что обвиняемый проглотилъ банкнотъ, не выдерживаютъ никакой критики

КОНЕЦЪ ИНДІЙСКАГО ВОЖДИ.

Въ фортѣ Силь, близъ города Винеты на территоріи Индіана Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сошелъ съ ума индійскій вождь Джеронимъ. Это былъ самый кровавый изъ индійскихъ вождей, поснимавшихъ большое количество скальповъ съ европейцевъ. Въ заключеніи онъ сидѣлъ уже 14 лѣтъ и переносилъ его, какъ дикій звѣрь, запертый въ клѣтку. Въ свое время онъ стоилъ Соединеннымъ Штатамъ сотенъ человѣческихъ жизней и болѣе 2 милл. рублей, затраченныхъ на его поимку. Почти въ теченіе полустолѣтія собиралъ онъ шайки апаховъ и водилъ ихъ „по тропинкѣ войны“. Онъ былъ ужасомъ первыхъ поселенцевъ Юго-Востока. Уже въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ Джеронимъ былъ избранъ своими войнами въ вожди. Въ 1882 году онъ со своимъ товарищемъ Викторіо и 600 апахами былъ взятъ въ плѣнъ. Викторіо былъ казненъ, но Джерониму удалось бѣжать, и еще четыре года продолжалъ онъ свои подвиги. Наконецъ, американскимъ генераламъ Мильзу и Лавтону удалось захватить его въ 1886 г., и онъ тотчасъ же былъ доставленъ въ фортъ близъ г. Прескота въ штатѣ Аризона, а затѣмъ переведенъ въ фортъ Силь. Изъ его соратниковъ ушло нѣсколько десятковъ человѣкъ и сражались еще нѣсколько мѣсяцевъ, но потомъ сдались и были отправлены на военные посты въ Аляскѣ, гдѣ вскорѣ всѣ умерли отъ чахотки.

ХРАНЕНІЕ ДРАГОЦѢННОСТЕЙ.

Англійскія коронныя драгоцѣнности, сохраняющіяся въ Тоуэрѣ, очень часто были похищаемы, и теперь ихъ охраняютъ не только сторожа, но и цѣлая армія специальныхъ сыщиковъ. Къ короннымъ драгоцѣностямъ относятся и драгоцѣнности королевы Викторіи. Только 12 посвященныхъ знаютъ, гдѣ онѣ хранятся. Для безопасности сдѣланы ихъ дубликаты изъ настоящихъ камней, такъ что при воровствѣ попадутъ въ руки воровъ ничего не стоящія поддѣлки. На берегу Дуная стоитъ прочное каменное сооруженіе, въ которомъ хранятся драгоцѣнности болгарской короны, оцѣняаемыя въ 5 милл. руб. Драгоцѣнности покойнаго короля Гумберта охраняются не только сторожами, но и рѣкой Тибромъ, такъ какъ онѣ помѣщаются въ подземномъ складѣ, омываемомъ съ двухъ сторонъ Тибромъ. Шахъ персидскій обладаетъ драгоцѣностями неоцѣнимой стоимости. Ихъ собрали его предки. Охрана поручена особымъ чиновникамъ, которые наказываются жесточайшимъ образомъ за пропажу каждаго камня.

КЪ ПОЛЮСУ—НА МЕДВѢДЯХЪ.

Новый планъ путешествія къ Сѣверному полюсу составилъ извѣстный норвежскій морякъ Юганнезенъ. Онъ предлагаетъ выдрессировать для упряжки бѣлыхъ медвѣдей и на нихъ совершать поѣздки. Юганнезенъ, проѣздившій по сѣвернымъ полярнымъ странамъ, утверж-

даетъ, что на такую дрессировку требуется много времени, но добиться успѣховъ можно безусловно. Молодыхъ медвѣдей нужно дрессировать къ предназначенной цѣли на Шпицбергенѣ или на какомъ-либо изъ ближайшихъ острововъ, потому что въ болѣе южныхъ странахъ дрессировка для намѣченной цѣли будетъ нецѣлесообразна. Въ три года можно выдрессировать бѣлыхъ медвѣдей, и они при своей силѣ быстро повезутъ сани и по льду и вплавъ черезъ водяные потоки въ ледяныхъ моряхъ. Любопытно, что у Мавра Юкая есть романъ, въ которомъ описывается венгерскій матросъ, совершившій путешествіе къ сѣверному полюсу именно на бѣлыхъ медвѣдяхъ.

МАЛЬЧИКЪ—КОЛЛЕКЦИОНЕРЪ.

Одинъ изъ бельгійскихъ учителей поручилъ своему ученику собирать всѣхъ пауковъ, какихъ ему придется увидѣть во время прогулокъ. Но мальчикъ принялся за это собраніе, какъ за настоящее дѣло, и въ теченіе недѣли обыскалъ всю мѣстность въ окрестности на 5 километровъ. При этомъ мальчику удалось собрать до 100 видовъ пауковъ, изъ нихъ 10 совершенно новыхъ для Бельгіи, несмотря на то, что эта мѣстность была изслѣдована знаменитымъ знатокомъ пауковъ, брюссельскимъ ученымъ Беккеромъ. Коллекція, собранная мальчикомъ, составляетъ теперь украшеніе естественнаго-историческаго музея при школѣ.

ЛЮБОПЫТНАЯ СТАТИСТИКА.

Въ городѣ Гейльбронѣ, городской часовщикъ, который долженъ былъ ежедневно вывѣрять всѣ городскіе часы и держать ихъ въ порядкѣ, обратился къ городскому управленію съ просьбой о прибавкѣ жалованья, подкрѣпляя свое ходатайство слѣдующей оригинальной статистикой. Ему ежегодно приходится подниматься на 288,000 лѣстницъ и прилагать къ часамъ силу въ 228,000 центнеровъ, а для этого требуется 441,650 оборотовъ ключа. Въ послѣднее время прибавилась еще одна школа и церковь съ часами, а потому прибавилось еще 83,025 ступеней и 143,180 центнеровъ. Въ виду этого жалованье часовщика не соответствуетъ затраченной силѣ. Отцы города убѣдились статистикой и прибавили часовщику жалованье.

АЛКОГОЛИЗМЪ У ЖИВОТНЫХЪ.

Опаснѣйшій изъ пороковъ пьянства существуетъ не только у людей, но и у животныхъ. Между птицами особымъ пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ отличаются синицы и скворцы. Если скворцу даютъ стаканъ пива, то онъ всовываетъ въ него весь клювъ и съ наслажденіемъ всасываетъ ячменный напитокъ. Скворецъ, съ которымъ часто продѣлывали эти эксперименты, до такой степени пристрастился къ пиву, что хотѣлъ пить изъ каждаго появившагося на столѣ стакана. Онъ вскакивалъ на столъ, затѣмъ садился на край стакана и пилъ до тѣхъ поръ, пока хмѣль не ударялъ его въ голову. Онъ приходилъ тогда въ веселое настроеніе духа, смѣшно подпрыгивая, но затѣмъ забираясь въ уголокъ и высыпавъ послѣ опьяненія. То же самое продѣлываютъ и синицы. Одна изъ нихъ умудрилась свить гнѣздо въ комнатѣ гостиницы. Посѣтителіи начали ее кормить. Отъ корма она не отказывалась, но воды вовсе не пила и предпочитала пиво, остатки котораго стояли въ стаканахъ на столахъ. И у многихъ синицъ была замѣчена такая же любовь къ пиву. Между млекопитающими животными наибольшую склонность къ алко-

лизму обнаруживаютъ обезьяны и собаки. Въ муонстерскомъ зоологическомъ саду одна обезьяна была извѣстна посѣтителамъ въ качествѣ завзятаго пьяницы. Она поглощала въ большихъ количествахъ пиво, коньякъ и водку. Одна „студенческая“ собака обладала просто болѣзненной страстью къ пиву. У хозяина пивной былъ приготовленъ для ней особый стаканъ, который собака выпивала и тутъ же валилась, какъ мертвая. Ее можно было бить, толкать, таскать по полу—она была какъ окованная и не двигалась.

ИНДІАНКА—МИЛЛІОНЕРША.

Семнадцатилѣтняя индіанка, дочь начальника племени Кьюва Чернаго Волка получила въ наслѣдство отъ короля скотопромышленности Джона Диллона 10 милліоновъ рублей. Семь лѣтъ назадъ, когда Диллонъ еще жилъ среди своихъ стадъ на Рио-Гранде, одинъ изъ индійскихъ кавбоевъ (пастуховъ), составилъ планъ убить его ночью. Десятилѣтняя въ то время дѣвочка-индіанка открыла Диллону планъ своего замысла. Диллонъ положилъ на свою постель мягкую куклу, а самъ спрятался въ сосѣдней комнатѣ и застрѣлил кавбая, когда тотъ съ noiseмъ бросился на куклу. Изъ благодарности Диллонъ взялъ къ себѣ дѣвочку и поручилъ ея воспитаніе епископу Монтеру, который въ настоящее время назначенъ и опекуномъ дѣвушки. Такъ какъ Диллонъ не оставилъ никакихъ родственниковъ, то никто и не будетъ оспаривать его завѣщанія.

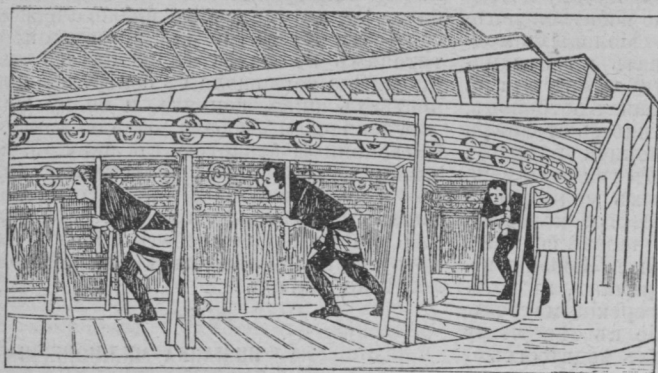

Японскій театръ.

Въ виду современныхъ событій не лишнимъ будетъ познакомить нашихъ читателей съ японскимъ театромъ. Онъ совершенно не производитъ того впечатлѣнія, къ которому мы привыкли въ западно-европейскихъ театрахъ. Чтобы вполне понять это оригинальное явленіе и вполне имъ наслаждаться, нужно видѣть японскіе спектакли гдѣ-либо на ихъ родинѣ, въ Токио, или Нагасакахѣ. Одинъ изъ нашихъ рисунковъ представляетъ уборную японскаго театра, въ которой исполнитель героическихъ ролей Итшикава Даньо готовится къ спектаклю. Онъ по восточному обычаю, сидитъ на корточкахъ передъ зеркаломъ съ обнаженной шеей и плечами. Вокругъ головы идетъ котсура-чита, лента, къ которой пригоняется парикъ. Итшикава какъ разъ занятъ тѣмъ, что натираетъ свои брови щеточкой изъ верблюжьей шерсти, которую онъ постоянно макаетъ во флаконъ съ краснымъ веществомъ. Возлѣ зеркала висятъ еще двѣ щеточки, которыми онъ накладываетъ бѣлила и румяна. Когда онъ кончаетъ гримировку, то лицо его измѣняется до неузнаваемости. Точно такъ же гримируются и всѣ остальные исполнители.

Непремѣнной принадлежностью японскаго театральнаго аппарата является Куромбо, человѣкъ весь одѣтый въ черное, съ черной маской на лицѣ и черной шапкой на головѣ—благодаря этому костюму, онъ считается невидимымъ. Онъ исполняетъ весьма важную обязанность: машетъ вѣерами съ нарисованными на нихъ бабочками, когда артисты по ходу пьесы засыпаютъ. Далѣе большую роль въ японскомъ театрѣ играетъ Тсуке-утши, который стучитъ погремучками о доску и тѣмъ извѣщаетъ о выходѣ на сцену дѣйствующихъ лицъ.

Сцена идетъ поперекъ всего театра, и только тонкій занавѣсъ отдѣляетъ ее отъ зрительной залы. Этотъ занавѣсъ спускается съ потолка, но пола не ка-

Механизмъ, поворачивающій сцену.

сается. Сцена устроена подвижной, и это позволяет быструю перемѣну обстановки. Два длинные хода, идущіе въ задній уголъ залы, служатъ для выхода артистовъ и придаютъ декораціямъ перспективность. Правый ходъ уже лѣваго. Послѣдній примыкаетъ къ лѣстницѣ, которая, въ свою очередь, ведетъ къ ходу подъ сценой. Отсюда на сцену выходятъ главные актеры. Оркестръ находится также на сценѣ и распадается на три группы: собственно-инструментальный оркестръ играетъ въ ходѣ лѣваго; въ правомъ углу сцены помѣщается оркестръ-хоръ, состоящій изъ 3—4 пѣвцовъ и двухъ

Исполнитель героической пѣсни и аккомпаниаторъ.

игроковъ на японскомъ инструментѣ „санисенъ“; наконецъ, сюда же принадлежитъ третья группа, двое Чіобо, которые стоятъ на 2 метра отъ сцены. Одинъ Чіобо декламируетъ речитативы, а другой отъ времени до времени сопровождаетъ эту декламацию выкриками въ тонъ. Въ нѣкоторыхъ героическихъ драмахъ участвуютъ еще охцатсумы; одинъ изъ нихъ, въ сопровожденіи живыхъ картинъ или пантомимъ, поетъ героическую пѣсню, а другой аккомпанируетъ ему на инструментѣ.

Сигналъ къ началу представленія.

Въ уборной японской артистки.

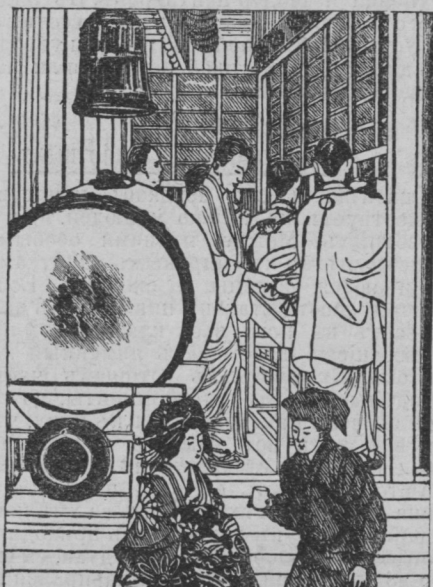
Собственно — оркестръ состоитъ изъ очень большого барабана, въ который бьютъ круглой палкой. Надъ барабаномъ виситъ гонгъ и „священный“ колокольчикъ, который звонитъ только въ торже-

ими колотушками въ сигналы или гіюшиги, какъ они называются по-японски. Когда начинаютъ поднимать занавѣсъ, Тсуке-утши уже стучитъ предъ убор-

Заклучительный актъ японской трагедіи.

ными артистовъ, приглашая ихъ поторопиться съ туалетомъ. Второй стукъ колотушекъ объявляетъ, что сцена готова и что артисты должны занимать на ней мѣста, — какъ разъ наоборотъ, сравнительно съ нашими порядками: тамъ актеры выходятъ на сцену послѣ поднятія занавѣса. Третій грохотъ погромашекъ извѣщаетъ, что всѣ уже на мѣстахъ, и, нако-

Помѣщеніе оркестра на сценѣ.

нецъ, послѣ четвертаго — начинается музыка въ оркестрахъ. Каждая перемѣна сцены и заключеніе акта сопровождается тѣмъ же грохотомъ.

ственные моменты пьесы. Кромѣ этихъ главныхъ инструментовъ, есть еще флейта, которая никогда не играетъ правильно мелодію, два бубна и одинъ санисенъ. Вотъ и весь инвентарь японскаго оркестра, называемаго Ганаши.

Японскій Тсуке-утши прекрасно исполняетъ роль нашего помощника режисера, онъ очень энергично стучитъ сво-

Генераль-адъютантъ И. Д. Лазаревъ.
(Къ статьѣ на стр. 241).

Вильгельмъ Штейницъ.

На дняхъ умеръ въ Нью-Йоркѣ знаменитый шахматистъ Штейницъ. Онъ родился въ 1837 г. въ Прагѣ и уже мальчикомъ считался лучшимъ шахматистомъ своего города. Въ двадцати-пятилѣтнемъ возрастѣ Штейницъ впервые участвовалъ въ международномъ шахматномъ турнирѣ и получилъ послѣднюю изъ шести премій. Но его талантъ и въ этомъ турнирѣ проявился съ большой силой. Первый большой триумфъ Штейница относится къ 1866 г., когда онъ одержалъ побѣду надъ знаменитымъ въ то время шахматистомъ Андерсеномъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Цукертортомъ и съ

тѣхъ поръ былъ признанъ неоспоримымъ мировымъ чемпиономъ шахматной игры. Только Ласкеру въ 1892 г. удалось одержать побѣду надъ Штейницомъ и утвердить это первенство на петербургскомъ турнирѣ. Старость дѣлала свое дѣло, и умъ терялъ свою гибкость. Тѣмъ не менѣе Штейницъ принималъ участіе во всѣхъ международныхъ турнирахъ и всегда получалъ одну изъ премій. Но годъ тому назадъ у Штейница совѣмъ расшатались силы, и онъ заболѣлъ психической болѣзью, которая и свела его теперь въ могилу.